

*Sapere aude*¹

¹ «Дерзай знать» — латинское изречение, содержащееся в «Посланиях» Горация, том первый. — *Примеч. пер.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Кирк повертел в руке рогатку.

— Будет больно, Джастин, — предупредил он.

— Очень больно, — добавил Стив.

— Не улыбайся, а не то я буду целить прямо в дырку.

Я захлопнула рот. Новые зубы, взамен выпавших, растут очень долго.

Кирк туго натянул резинку.

— У тебя десять секунд. Одна... две... три... четыре... пять...

Я припустила бегом через джунгли. Позади продолжал звучать, постепенно затихая, голос Кирка. Я неслась вдоль реки и смотрела то прямо перед собой, то на водный поток. Скоро позади послышался топот Кирка и Стива. Мы сохраняли дистанцию, я не пыталась ускорить бег, они не старались догнать. Мы знали, где ветви свисают низко и могут оцарапать лицо, где на тропинке выступают корни, словно злодейски натянутые веревки, готовые повалить на землю, а где нам попытаются преградить путь упавшие деревья. Мы мчались через лес, будто дед и Сэнди, убегающие от япошек. Дед так и не смог понять, для чего нужна была та война. «Зачем проливать реки крови? К чему гибель стольких ребят? Что текло в венах у тех ублюдков?»

Мы все бежали и бежали — они мне не враги, и я для них не жертва, а рядом текла река, глубокая, мутная, она поднялась высоко, подмывая берега.

— Я иду, Джастин! — крикнул Кирк.

Когда-нибудь я сделаю себе плот. Возьму у деда трос, свяжу им кучу веток и спрячу плот в верхней части

Удавки, среди деревьев, стволы которых стоят прямо в воде.

Я оглянулась. Кирк был совсем близко, и я припустила быстрее, но тут же почувствовала боль под коленкой.

— Попал! — крикнул Кирк.

Я опять оглянулась и, заметив, как Кирк снова поднимает рогатку, побежала дальше. В ногу впился еще один камень. От боли я вскрикнула, и с ветвей с хриплыми криками вспорхнули какаду. Я посмотрела назад и увидела, что Кирк опять нагнулся за камнем. Тут я остановилась, чувствуя, как пылает лицо, набрала полные пригоршни камней и земли и бросилась в его сторону.

— Нет! — крикнула я. — Нет! — Попугаи белоснежными молниями с воплями срывались с веток.

Я швырнула камни и землю в Кирка.

Кирк закричал, выронил рогатку и прижал ладони к глазам. Пока он утирался и отплевывался от земли, я набрала еще камней, а он повернулся и побежал прочь от реки, к нашим убежищам. Стив кинулся за ним, и я тоже старалась не отставать.

Они вырвали ветви из моего убежища, развалили стены из коры и листьев, крышу из полотенца и веток, дымоход из прутьев. Я стала бросаться в них камнями, а затем подбежала к убежищу Кирка и ударила ногой по подпорке. Она упала, раскалываясь на части.

Кирк повалил меня на землю и сел сверху. Я вырывалась и отбивалась, мотала головой из стороны в сторону, и перед моими глазами мелькали распавшиеся на части то небо, то земля, то небо, то земля...

Стив прижал к моей щеке лезвие перочинного ножа.

— Лучше закрой рот, — посоветовал он.

Я плюнула ему в лицо.

— Фу! — Он вытер слюну, а я, высвободив руку из-под Кирка, выбила нож из ладони Стива.

Он попытался взять меня за лодыжки, но я слишком сильно пиналась, и Стив никак не мог ухватиться за них. Пока мы боролись, лица у нас стали красными и горячими, мы тяжело и часто дышали, будто между нами была та же война, на которой воевали дед и Сэнди. Если ты проиграл, — что же тогда текло в твоих венах? Зачем это было нужно?

Кирк коленями прижал мои руки к земле — теперь я могла только извиваться под его весом, как червяк. Я билась и рычала, сопротивляясь изо всех сил.

— Хватит, — сказал Кирк.

И вдруг все закончилось, так же быстро, как и началось.

Кирк вскинул руки.

— Перекур, — объявил он, слез с меня и сел рядом.

Стив отпустил мои лодыжки и пошел искать нож в ворохе листвы. У ножа было всего одно маленькое лезвие, побитое ржавчиной, но Стив уверял, что этим ножом, который ему дал папа, можно убить. Стив постоянно таскал его с собой. Я села, и мы стали стряхивать землю с волос и одежды и вытирать лица. Мы сняли обувь и вытрясли из нее камешки. Я легла рядом со Стивом, плечом к плечу. Кирк стоял рядом, засунув руки в карманы, и смотрел вверх.

Над нашими головами льнули друг к другу эвкалипты, будто пытаясь коснуться друг друга, как берега реки в этом месте, что зовется Удавкой. Деревья притягивали наши взгляды: сквозь их кроны, похожие на огромные головы, проступали лица, черты которых угадывались в рисунках коры. Три наших мира соединились. Пусть матери у нас и разные, но фамилия одна на троих — Ли.

Кирк пошел к центру треугольника, который образовывали наши убежища. Там кольцом были выложены камни, словно вокруг дедовского костра. Мы со Стивом последовали за Кирком. Он сел и вытащил из кармана

пачку табака «Белый вол» и мятую папиросную бумагу. Мы устроились рядом. Кирк лизнул блестящий край бумаги и свернул самокрутку. Табак полез с обоих ее концов, будто солома из чучела. Кирк достал из кармана коробок со спичками. На конце папиросы вспыхнул оранжевый огонек, и Кирк закашлялся. Он выпустил изо рта дым, и тот облаком окутал его лицо.

— Черт, — ругнулся он, кашляя дымом, затем передал самокрутку Стиву, который закрыл глаза, вдыхая дым, затем струей выпустил его, будто всегда курил и отлично знал, как это делается.

— Моя очередь, — сказала я.

— Ты еще маленькая, — возразил Кирк.

— Нет, не маленькая.

— Тебе всего десять.

— А почему тогда Стиву можно?

— Ему одиннадцать.

— Ага, — вставил Стив.

— А еще, ты — девчонка.

— Курить-то я все равно могу.

— Нет, не можешь, — не уступал Кирк. — И деду не рассказывай.

Я поддела землю ногой. Мне, вообще-то, совсем не хотелось курить.

Кирк и Стив передавали друг другу папиросу до тех пор, пока она не стала такой короткой, что обожгла Кирку пальцы.

— Ой! — Он щелчком подбросил ее в воздух, затем ботинком вдавил в грязь.

Я набросала на нее сверху кучку земли.

— Могила для папиросы, — сказал Кирк.

Мы поднялись, дошли до реки, сели на обрыве и стали кидать в воду палки — кто дальше забросит. А потом камнями старались их потопить.

Удавка — самое узкое место реки, где берега почти смыкаются, словно гигантские руки на горле. После дождя Муррей не смогла удержаться в узких берегах и затопила их, отчего стволы деревьев оказались в воде. Деревья выживут, но когда Удавка высохнет, можно будет увидеть на их стволах черные пятна от воды. А пока мы замечаем, как в реке, возле самого дна, плавает треска; она движется так медленно, что ее можно поймать острой.

Мы подняли по палке и прицелились.

— Если бы у нас был маузер деда, мы могли бы подстрелить рыбину и принести домой, — сказал Кирк.

— Зажарили бы у деда на костре, — добавила я.

— Ага, — согласились Кирк и Стив.

— И съели бы с яйцами, — продолжила я.

Кирк прицелился палкой в воду.

— Бах! — сказал он, дергая палкой. — Прости, рыбка.

Стив поднял свою палку и проделал то же.

— Извини, кенгуру, — сказал он. — Бах!

— Простите, мистер рыбак! — крикнула я и выстрелила из своей палки.

Кирк и Стив рассмеялись. Мы бросили наши ружья в реку и смотрели, как они погружаются в воду.

— Как насчет того, чтобы оставить тебя тут, Джастин? — спросил Кирк. — Мы можем привязать тебя к дереву. Открыть тебе рот и закрепить его в таком виде, чтобы сова свила в нем гнездо.

— Ага, как тебе такое? — изрек Стив.

— Ага, как насчет этого? — ввернула я.

— Может, в следующий раз, — ответил Кирк.

— Да, может, в следующий раз, — согласилась я.

Кирк посмотрел на небо.

— Нам лучше вернуться. — И мы пошли обратно к убежищам.

Подойдя к моему убежищу, Кирк помог мне поднять его самые большие ветки и подпереть ими центральную жердь. Стив накидал на ветви кору и натянул на крышу полотенце. Он достал из кармана нож и срезал живые ветки для моей полки, а Кирк сделал мне небольшой холодильник. Из моего укрытия, в щели между ветвями, был виден лес. Пока Кирк и Стив чинили свои убежища, я нагрела кучки камней и земли — свои боеприпасы.

— Пошли. Дед нас ждет, — сказал Кирк.

Мы поднялись, окинули взглядом наши убежища, кольцо из камней, деревья и небо, затем медленно побрели прочь от реки по тропинке, ведущей к участку деда.

Дом деда возвышался на участке в три акра, который он купил после возвращения с войны. Он нашел работу на лесопилке, где пилил бревна на шпалы для железной дороги. «Лучше уж я буду пилить эту гадость, чем укладывать», — говорил он. Когда дед был в плену, враги заставили его прокладывать железную дорогу между Бирмой и Таиландом для доставки оружия. «Мы были живыми мертвецами, — рассказывал дед своим курочкам породы Иза Браун. — Мы были призраками». Дом со стенами бледно-зеленого цвета окружала полоса грязи, которая волной поднималась и опускалась вдоль всего фундамента. Будто дом когда-то тоже стоял в воде, как деревья на Удавке.

Когда мы зашли через задние ворота, дед сидел возле костра и курил. Он бросил в огонь мелкую ветку.

— Чай будет через полчаса, — сказал он, поднялся и прошел через двор на кухню.

* * *

С тех пор как сбежала Донна, я всегда жила вместе с дедом. Она сбежала из-за меня. Я готовилась выйти из нее вперед ногами, ждала своего рождения, стоя на коленях. Дед и папа отвезли Донну в больницу. «Кто выходит из чрева, стоя на коленях? Кто таким образом приходит в этот мир? — спрашивал дед у своих кур. — Бедная Донна!» Доктор и медсестра положили руки Донне на живот, пытаясь повернуть меня в нужную сторону, но я не поворачивалась. Я думала, что все делаю правильно. Мое рождение чуть не убило ее. Три года Донна

жила со мной и папой в нашем доме в Моаме, но ей наложили так много швов, что они не заживали; один за другим швы расходились, и, когда мне было три года, она ушла от нас навсегда. Дед просил Релл, первую жену папы, взять меня к себе, но она сказала: «Только не ребенка Донны». Так что я осталась с дедом.

В ту ночь, когда мама пропала, именно дед нашел меня в дальней части двора. У него собрались все Уорлли и Ли, они делали барбекю, пили и слушали музыку.

«Я смотрю — а тебя нигде нет, — рассказывал дед. — Когда я тебя нашел на задворках, ты была холодная, будто чертов лед. Только бог знает, куда ты собиралась пойти».

В ту ночь я просто искала маму. Может, она отправилась к Удавке? Может, у нее среди деревьев в воде была спрятана лодка?

«В ту же ночь ты и познакомилась с крутым парнем, — говорил дед. — Помнишь, Джесси? Помнишь первый вечер, когда ты его увидела, — он тогда был Итаном Эдвардсом²?» Дед отнес меня в дом, сел рядом со мной на диван и держал за руку, а на экране Джон Уэйн скакал на коне, выслеживая индейцев: «Мы все равно найдем их, я обещаю. Это так же верно, как и то, что Земля вертится!» «Только крутой парень мог остановить твой плач, Джесси».

Я слышала, как Джон Уэйн в роли Итана Эдвардса стреляет в своих врагов. Дед сказал: «Ты все-таки добрался до них, крутой парень», а потом я уснула. Каждый раз, когда я просыпалась, рядом были дед и крутой парень, дед держал меня за руку, а крутой парень заматывался кнутом на команчей.

Папа сказал, что моя мать села на поезд до Лисморра, чтобы повидать сестру. Он сказал, что она устроила

² Главный герой фильма Джона Форда «Искатели», роль которого исполнял американский актер Джон Уэйн — «король вестерна». —

Примеч. ред.

скандал и отказалась выполнять свои обязанности, на которые согласилась, став его женой. Когда дед связался с ее сестрой, та ответила, что Донна не сходила с поезда в ее городе и она не может ее за это винить. Если человек не хочет, чтобы его нашли, он сможет спрятаться где угодно: сделать, например, себе дом на дереве из ветвей, камней и старых вещей, которые выбросили другие люди. Из старых покрышек, ящиков из-под молока, обломков кирпичей. Можно спрятаться под маскировочной сеткой, в старых машинах, на свалках, можно сделать себе дом из старого дивана или двух дверей.

Папа заявил, что знает, куда она уехала, черт возьми, он точно знает, но дед сказал: «Оставь ее в покое, Рэй. Нет больше Донны».

* * *

Мы с Кирком, Стивом и дедом сидели у костра, держа на коленях тарелки с сосисками и яичницей. Кукуруза и горошек скатились к краям тарелки. Угли в костре светились оранжевым. Вся еда на тарелке была липкой от желтка и соуса. Дед сказал:

— Съешьте уже этот чертов горошек.

Мы с мальчишками украдкой переглянулись, наклонили тарелки, чтобы горошины скатились на землю, и забросали их землей. Могилки для горошка... За кругом света от костра покачивались на ветру деревья и переговаривались между собой сверчки. Костер деда сплотил нас, окутывая теплом, словно невидимыми объятиями.

А где-то там, на Удавке, река гнала воду между тесных берегов. Вода знала, куда ей надо бежать. Мимо наших убежищ, мимо кольца из камней, мимо льнущих друг к другу эвкалиптов, — она неустанно спешила вперед, к морю.